

Реформы Петра III в армейской одежде

Когда обсуждают реформы военной одежды, проводившиеся при восшествии на престол Петра III, то по отношению к ним обычно повторяют отрицательное мнение, которое в основном питается «свидетельствами» и насмешками современников. Между тем большинство отечественных мемуаристов екатерининского времени были пристрастны и даже подобострастны. Их записки составлены во времена, когда даже устные симпатии к законному монарху, вероломно свергнутому и убитому императрицей, означали, по меньшей мере, конец карьеры. Тем не менее, мало кто пытался оценить реформы самостоятельно, без присоединения к мнению свидетелей той поры, объективность и взвешенность которого сомнительна. Цель данной работы – попытаться объективно посмотреть на суть реформ Петра III в области обмундирования, следуя лишь фактам реальности и истории.

Встречают по одежке

Случилось так, что после Петра I и до Петра III российский трон, кроме малолетнего Петра II, занимали женщины. К тому же проблемы и конфликты России в это время замыкались в ее приграничном окружении и не имели выхода на европейскую арену¹. Надолго в забвении оказался флот². Придворные интриги не давали возможности уделить серьезное внимание российскому мундиру. И хотя Петром I была проведена европеизация военной одежды, но борьба за европейский вид воинства все еще не утихла. За прошедшие после Петра 25–30 лет неприятие петровских униформистских «нововведений» еще не потеряло актуальность, хотя и стало глухим. Противодействие приобрело вид борьбы за самобытность и национальные интересы, против иностранного засилья. Но, по существу, вид одежды всегда являлся внешней маркировкой социальных перемен. Разделение на старую и новую систему государственной и социальной организации было манифестировано созданием новой столичной архитектуры, новой знати, новой организацией армии и новой военной и гражданской одеждой и т.д. Граница между своими и противоборствующими часто пролегла в отношении к этим зримым образам. Именно поэтому тот, кто хотел эффектно выразить несогласие, не брил бороду, не носил европейское платье, не осваивал «европейский политес» и не посещал «ассамблей» и прочее. Даже во времена Екатерины, по свидетельству графа Л. Сегюра, в Петербурге «среди небольшого, избранного числа образованных и видевших свет людей, ни в чем не уступавших придворным лицам блистательных европейских дворов, было немало таких, в особенности стариков, которые по разговору, наружности, привычкам, невежеству и пустоте своей принадлежали скорее времени бояр, чем царствованию Екатерины»³. Непонимание глубины этого социального процесса бедным дворянством и податными сословиями, в жизни которого эти перемены мало что изменили к лучшему, выразилось в неприятии внешнего знака событий, выглядевшего как вредное и обременительное онемечивание порядков и одежды. Казалось, что достаточно выгнать иностранцев и отменить «немецкую» одежду, как все вернется на круги своя. Это эмоциональное восприятие часто в истории направляло людей на борьбу с внешними проявлениями. Но отказ от петровских перемен был уже невозможен без новой смуты и передела, так как затрагивал целый слой новых влиятельных людей. Это поняли даже те из старой знати, кто был не прочь вернуть прежние времена. И, если со временем утвердилось осознание того, что уже нет возможности вернуть былое, то некоторым хотелось ограничиться тем, что было сделано Петром I, в том числе и в армии. По свидетельству француза-ювелира Позье, в дни переворота 1762 г. солдаты пытались расправиться со всяким иностранцем, а не только с немцами. Однако к 1762 г. жара этого тлеющего недовольства было бы уже совершенно недостаточно для бунта, если бы он намеренно не раздувался заговорщиками. Таков был сложный психосоциальный фон в России к середине XVIII столетия. Это был затянувшийся период балансирования и освоения плацдарма, захваченного в петровское время.

Времена Бирона целиком связываются с засильем немцев и сопротивлением этому. При нем форма шляп, холодного оружия и пригонка мундира требовались на «прусский манер». Но это обезьянничание нельзя называть настоящими реформами, так как перемены носили характер отдельных указаний, не связанных общим подходом. С приходом Елизаветы целенаправленных реформ униформы также не было. Указывалось (кроме некоторых перемен прикладного цвета) лишь шить мундиры «не долги» и «не широки», а рукава и обшлага обуживать. С целью понудить выполнять указания, просто уменьшали отпуск сукна на постройку плащей, мундира, камзола и штанов. Но, судя по повторяющимся требованиям в указах, армия, привыкшая к просторным петровским мундирам, не спешила перенимать нововведения, к тому же национальный костюм в России всегда отличался простотой.

Жесткие петровские приемы привить «немецкое» платье прочно связались в умах россиян с витком насилия, смуты и иностранной экспансии. К середине столетия кровью страданные формы одежды, казалось, собираются остоневать в виде своеобразного памятника установлениям Петра Великого⁴. И чем больше проходило времени, тем более дерзновенными казались попытки поменять устоявшееся. Собственно, стал складываться определенный стереотип аргументов, где всякий, касающийся как перемен, так и совершенно новых установлений, клал в подножье своих начинаний установления Петра I. Употребление петровского военного мундира стало своеобразной зримой присягой на верность отечественным интересам. В гвардейском мундире взошла на престол Елизавета, позже это же повторила и Екатерина. В этих психологических условиях затевать какие-либо перемены, без опоры на заложенное Петром, означало сильно рисковать. Так, Екатерина II пишет: «В начале царствования государыни императрицы Елизаветы Петровны издано было повеление управлять все дела по указам родителя ее, Петра Великого...»⁵ Сохранившиеся портреты уездных дворян елизаветинской поры показывают, что они продолжали носить мундиры, похожие на петровские. При этом своеобразные отличия в отделке одежды в гвардии и

армии иногда бывали значительными. Проведенная в 1729 г. инспекторская проверка нашла, однако, что за последние четыре года порядок в войсках «весьма расстроился». Пришедшая в 1730 г. Анна Иоанновна несколько уменьшила численность войск, улучшила снабжение и дисциплину. Миних, который при ней руководил военными реформами, более занимался стандартизацией калибров оружия по шведско-прусским канонам, развитием специализации родов войск, чем переменой в форме одежды. Учрежден Шляхетский кадетский корпус, появилась тяжелая и легкая кавалерия, инженерные войска, но никаких значительных распоряжений по переменам в общем обмундировании сделано не было. Особенно старомодно выглядела униформа чинов гарнизонных войск.

В Европе уже ежегодно следили за изменениями моды, переменили гардеробы, развозили «Пандору» – образцовый манекен с женской одеждой, одетый по последней парижской моде. Военные мундиры передовых стран Европы уже принаравливались к этим переменам, а запаздывающий российский военный костюм выглядел все более архаично.

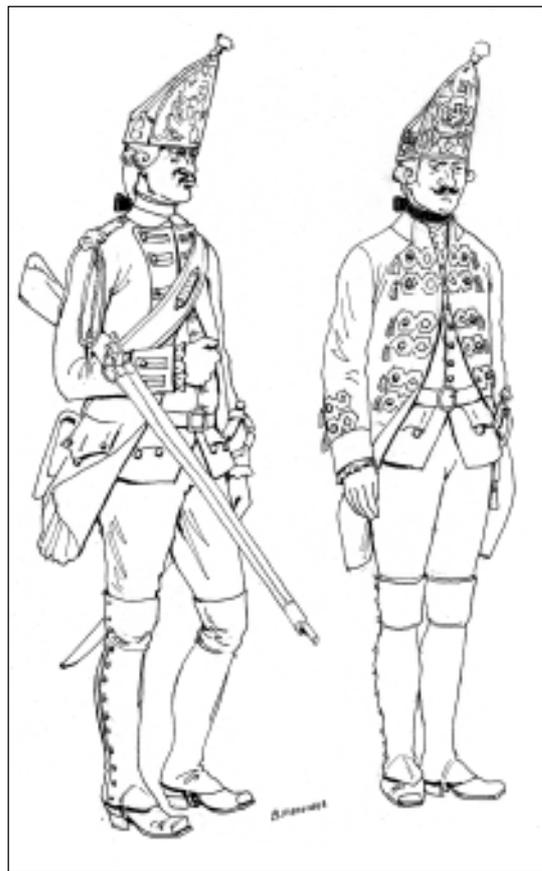
Мундир как социальный маркер

Прибыв в Россию из Гольштейна в 1745 г. подростком, гольштинский герцог и наследник русского престола Петр Федорович уже никогда не покидал ее. Его придворные войска имели униформу Гольштинии, расцветкой и элементами напоминавшую прусскую. Их численность с 1745 г. постепенно увеличивалась, и особенно через 10 лет, после постройки крепости Петерштадт в Ораниенбауме. Расположенная там микроармия Петра Федоровича стала своеобразным полигоном для проектных преобразований в армии. Первоначально войска были составлены из выходцев из Германии, но за долгое время существования в России их состав обновлялся и стал довольно пестрым. С восшествием на престол Петра III в эти войска набирали уже из прибалтийцев, поляков и украинцев. Главным условием приема человека на гольштинскую службу стало условие свободной вербовки людей, не имеющих отношения к российскому податному сословию. В 1762 г. общая численность ораниенбаумской гольштинской «армии», вероятно, составляла около 2 тысяч человек. Екатерина в воспоминаниях дает число – 1590 гольштинцев⁶. Свои будущие военные реформы Петр Федорович первоначально отработывал на своем «потешном» гольштинском войске, которое в 1762 г. было представителем 7 пехотных полков и 6 конных.

В прусской армии резкое укорочение и утеснение военных одежд произошло еще в 1720-е гг. Те же процессы прошли и в армиях европейских стран и внешний вид гольштинских мундиров не вызывал у них насмешек. Например, секретарь французского посольства Ж.Л. Фавье писал о Петре Федоровиче в 1761 г.: «Вид у него вполне военного человека. Он застегнут в мундир такого узкого и короткого покроя, который следует прусской моде еще в преувеличенном виде». Бурхард Христофор Миних в своих исторических записках «Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи» пишет, что Петр «любил военное дело и не носил другой одежды, кроме мундира»⁷. Поэтому форма одежды русской армии, вводимая Петром III, не вызвала удивления у иностранцев.

Взойдя на трон, Петр Федорович хотел придать современной модный вид униформе российской армии. При этом он не менял традиционного цвета мундиров российской армии, не менял их покроя, он лишь сократил объемы тканей и изменил нашивные элементы. Успел ли он переодеть полностью хотя бы гвардию – вопрос невыясненный. Конечно, льстивая часть придворного офицерства, сразу же после смерти Елизаветы, сама начала перешивать мундиры на гольштинский манер, так как намерения императора были хорошо известны. Этот факт засвидетельствовал Болотов в своих записках. Б. Миних пишет, что «Вместо Кабинета он учредил Комиссию... Эта Комиссия, в которой император много председательствовал, сначала занималась только военными делами, и появился новый регламент Его Величества, названный “Строевой устав”...»⁸. И хотя известно много рисунков, проектов, сохранились новые гвардейские мундиры самого Петра III, головные уборы, портреты, но напечатанных государственных актов с новым регламентом по армейским мундирам издано не было, так как работы Военной Комиссии над армейской реформой в 1762 г. еще не были подытожены. В чем же отличался елизаветинский мундир от проектов Петра III?

У старого елизаветинского мундира линия карманов и шлиц все еще оставалась заниженной по отношению к талии. Пола кафтана и камзола были почти прямые, а не уходили назад, длина камзола была до половины бедра. Крупные обшлага сильно отделяются от рукава как особый его элемент, мундир был однобортный без лацканов, достаточно просторный и, при желании, мог быть легко застегнут на все пуговицы. Рукава мундира достаточно просторны, чтобы дать место рукавам камзола, штаны были также свободны. Сзади, в шлицах мундиров и сюртуков, были заложены глубокие складки, числом пять и глубиной у подола до 20–25 см каждая.

Гренадеры. Слева: рядовой гольштинского полка Мантейфеля 1760 г., справа: унтер-офицер Преображенского полка 1762 г.

Согласно нововведениям Петра III, полы мундира укоротились до половины бедра, а камзол почти уже превратился в жилет. У офицеров камзол стал без рукавов и воротника с длиной пол до паха. Рукава мундира плотно легли по руке, а небольшие обшлага почти составили одно целое с рукавом, выделяясь лишь цветом. Штаны обузились и должны были лежать без складок, для чего натягивались по колену шнурком. Новый мундир, практически, уже не мог быть застегнут на все пуговицы, и едва сходясь на груди, полы сразу же разбегались в стороны, открывая живот. Складки шлиц сократились до трех, неглубоких и наполовину зашитых. Одно сокращение числа складок в шлицах до трех и уменьшение глубины до 5–10 см давало изрядную экономию средств государству на постройку мундира. Общее «утягивание» ширины мундира, камзола и штанов, скашивание назад пол мундира, уменьшение длины и ширины обшлагов рукавов, уменьшение длины пол камзолов сантиметром на двадцать значительно дополняло общую экономию дорогого сукна. А в целом в силуэте нового мундира намечался переход, когда военный мундир русской армии стал более близок к силуэту мундира конца XVIII столетия, нежели к петровскому кафтану. Кроме того, из сукна, отпущенного по старым стандартам, можно было либо одеть больше солдат, либо сэкономить на этом деньги. Итак, задуманная реформа обмундирования была вполне оправдана экономически, создавая изрядную экономию денег. Кроме того, она была оправдана эстетически, создавая образ передовой армии.

Но большое число русских военных восприняло перемены эмоционально негативно. С непривычки эти нововведения создавали у современников впечатление, что войска, по прихоти императора, одевают в мундиры несообразно уменьшенные. За это новые мундиры обзывали «кургузьями» или «куцьями». Кстати, в подобные мундиры были одеты пруссаки – армия противника в Семилетней войне. Державин, позднее обласканный Екатериной, приезжал на коронацию Екатерины в Москву в гвардейском мундире, сшитом при Петре III. В записках, стараясь затушевать свое хамелеонство, он иронично описывает свой тогдашний мундир: «...будучи в мундире Преображенском, на голстинский манер кургузом, с золотыми петлицами, с желтым камзолом и таковыми ж штанами сделанном с прусскою претолстою косою, дугой выгнутою, и буклями, как грибы подле ушей торчащими, из густой сальной помады слепленными шеголял перед московскими жителями...»⁹ Для московских жителей такой «странный наряд» якобы казался «чудесным». Но это явное преувеличение, так как по воспоминаниям иностранных современников русские вельможи в Москве жили так же роскошно, как и в Петербурге. Просто, как свидетельствовал Казанова в «Записках венецианца о пребывании в России 1765–66 гг.», «к Петербургу относится с неприязнию и отвращением старый москвич, который, при удобном случае, не прочь провозгласить против этой новой столицы приговор Катона Старшего на счет Карфагена»¹⁰. Далее Державин пишет, что к прибытию Екатерины, им, как и всем остальным преображенцам, были «построены старого покрою» мундиры. К тому же в его лукавых описаниях нет никакой рациональной критики, а только одно ёрничество. Так, весь «чудесный вид» (коса, пудра и букли) введены в российской армии задолго до Петра III, но насмешка за них направлена именно на него. Чувствуется, что записки написаны не ранее времен потемкинских реформ, когда их попытались вывести из армейского употребления. Многие не понимали, почему столь неудобные иностранные заимствования никак не удаётся упразднить и как всегда искали простого ответа в фигурах у престола (то Бирон, то Остерман, то голштинцы).

Еще при Петре I появилось множество недовольных затеей пудрить волосы солдатам, появившейся в конце его правления. После Петра пришлось временно отступить – в декабре 1725 г. Екатерина разрешила волосы солдатам не посыпать мукой, но расчесывать, и, отращивая длинные, завязывать сзади лентой. При Петре II вновь было приказано волосы пудрить, более того, появляется коса и манжеты у рубашки. Однако, видимо, петровские нововведения были еще недостаточно усвоены, так как в указе от 1729 г. все еще настойчиво повторяется: «офицерам, штаб- и обер-, унтер-офицерам, капралам, рядовым носить немецкое платье и шпаги, бороды брить»¹¹. Не исполняющих рядовых требовалось бить батогами, а офицеров – штрафовать, а после четвертого подобного случая – с виновными поступать как с раскольниками. Как видим, сравнение с раскольниками знаменательно тем, что уклонение рассматривалось на идеологическом уровне. Основной мыслью, оправдывающей введение искусственных правил и одежды, было наглядное формирование разницы между солдатом и «подлыми» народом. Крой солдатского мундира не отличался от офицерского и генеральского и вообще от кроя дворянского платья, но сильно отличался от народного костюма. Разницей в покрое и цвете проводилась зримая граница между солдатом и дворянином, с одной стороны, и крестьянином и купцом, с другой. Это разница между служилым и податным сословием, где солдат становился нижним звеном в управляющей вертикали. В то время как купец, являясь вершиной в податном сословии, при всем его богатстве, формально занимал более низкую социальную ступень. Эту же функцию выполняла и особая прическа с пудрой, буклями и косой. Эта зримая разница давала понять, что «служилые» призваны отстаивать приоритет господ. Гвардейцы, возведшие на престол Елизавету, лишь на 17% были из дворян, 37% – выходцы из разночинцев и на 42% из крестьян. Поведением и одеждой солдат резко отличался от лакея, которого одевали в богатые, но устаревшие одежды, а согнутые позы выражали угодливость. Реальность солдатского положения можно выразить в парадоксальном определении: «Хоть мы и не господа положения, но по положению мы господа!». Именно поэтому это «нерациональное» знаковое внешнее различие удерживалось и требовало поддержания.

Эмоции вместо аргументов

Чем же новый «кургузый» мундир был на практике хуже прежнего, современниками не высказано. Важно заметить, что ни у кого из современников не было претензий к главному – не было нареканий, что такие перемены стесняли движение солдата. А их не могло быть, потому что принципиальный крой не был изменен! Тем более, что солдаты все равно скоро сменили длиннополые одежды на «кургузые» куртки и мундиры без отворотов на рукавах, ввиду их большего удобства. Именно за это ратовал Потемкин, вводя в 1784–86 гг. новый мундир в своей

армии. Потемкин не только укоротил, он вообще убрал фалды, превратив мундир в куртку. Но некоторые протестовали против новомодных мундиров Петра III, находя «рациональные» аргументы. Они считали, что новые мундиры оголяют русских солдат, «в холодном климате оставляя их полураскрытыми». Но заметим, что именно при Петре III в армии появляются сюртук и епанча с рукавами (прообраз будущей шинели, введенной Павлом I в 1799 г.). Сюртук для генералов и офицеров был введен уже реформой 1763 г. Смысл появления этих одежд в том, чтобы снять универсальность мундира, приспособленного для всякой погоды. Дальнейший прогресс армейского обмундирования шел именно в сторону функционального разделения формы одежды (летняя, зимняя, рабочая, повседневная и пр.), а не ее универсальности. Отсюда критика уменьшенных объемов мундира становится понятна лишь как желание сохранить старый взгляд на набор солдатского обмундирования. Но в этом желании скрыты вовсе не рациональные, а разные психологические причины, которые частично обсуждались выше.

Отношение к нововведениям было отрицательным еще и потому, что, хотя модное заимствование давно происходило на базе прусской модели, но не в момент войны с Пруссией и не гольтштинским принцем, оборвавшим ее, как многим казалось, в победном финале. Особенно неприятно чувствовали себя ветераны, которые еще недавно били пруссаков в подобных мундирах и прическах, как вдруг их самих обряжают в мундиры их врагов. И как писал Болотов: «Все сие... а особливо преобразование всего войска и переделывание всего, до воинской службы относящегося, на прусский манер и явно оказуемая к тогдашнему нашему неприятелю, королю прусскому, приверженность и безпредельное почтение и ко всему прусскому уважение, приводило всех в неописуемое изумление и негодование...»¹². В данных морально-политических условиях модность или даже экономичность, практичность и удобство тех или иных нововведений отступали на второй план. Так, например, новые вводимые в армии суконные гренадерки были легче на 200–300 г (за счет уменьшения их высоты и толщины металла налобника), чем нравившиеся солдатам в Семилетнюю войну подобные суконные елизаветинские, и, тем более, легче и удобнее, чем кожаные каски той же эпохи. Кожаные каски гвардии появились при Петре I, они давно устарели, их ругали, но продолжали носить и при Екатерине. Тем не менее, большое сходство новых гренадерок с прусскими, в конструкции и отделке, вызывало негативные эмоции.

Неудачной (по торопливости, но не по сути) можно считать и попытку замены Петром Федоровичем красного сукна штанов и камзолов солдат на вариант из светлых сукон: белого, палевого, желтого или оранжевого (выбор по желанию полкового командира). Отменяя красный цвет как прикладной, Петр III имел намерение приблизить русскую систему различий в униформе к прусским образцам. Но, кроме подражания, в этом желании были вполне разумные доводы. Известно, что хорошая красная краска для сукон (например, кошениль) была дорога, так как завозилась из Ирана или из Армении. Не говоря уже о том, что крашенные офицерские сукна закупались в Англии. Более дешевые красители (морена, или корень подмаренника) давали худший оттенок красного цвета и плохое качество окраски. С проблемой разнобоя в оттенках окрашенных мундирных сукон в России будут бороться еще и полвека спустя. Итак, что же достигалось отменой красного цвета? Во-первых, этим можно удешевить окраску сукна, так как для указанных светлых тонов краски идет меньше и окраска дешевле. Во-вторых, введением разнообразия в прикладном полковом цвете (выбор из трех) можно было легче достичь однообразия цвета в одном полку. То есть, если трудно получить один оттенок, то почему бы тогда не ввести разнообразие окраски сукон в норматив? Это разумно с позиции здравого смысла, но не учитывает национальных предпочтений. Главное в том, что вместе с красным цветом был тронут еще живой пласт древних национальных традиций, что заметил в своих записках даже проницательный секретарь французского посольства с 1760 по 1762 гг. К. Рюльер. Красный цвет, восходящий к культуре русалий, пройдя через века, глубоко связался с национальными эстетическими идеалами. Даже слово «красота» этимологически связано со словом «красный» (красна девица, красный угол, красное словцо и т.д.). Не перечислить всех предметов, традиционно окрашиваемых народом в красный цвет: рубахи, сапоги, кафтаны, стены палат, древки топоров, копий, пищалей, ножны, знамена, фоны икон и прочее. Конечно, приходится согласиться, что перемена выглядела как отмена национального цвета и замена его прусским набором, что и встретило ее непонимание. Екатерина, как более чувствительная к социально-политическим процессам, отступила. Но позже, к началу XIX в., как известно, число военных одежд, ранее окрашенных в красный цвет, все равно сильно сократилось. С павловского времени красный цвет уже практически остался только на деталях мундира (лацканы, обшлага, воротник, выпушки и обшивки), при этом далеко не у каждого полка.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что основной просчет Петра III вовсе не в сути проводимых им реформ, а исключительно в непонимании российских обстоятельств и переоценке возможностей абсолютизма

Армейские гренадеры. Слева: рядовой
Обсервационного Корпуса 1756–1761 гг.,
справа: рядовой пехотного полка 1763–1786 гг.

ма для таких поворотов. Он руководствовался только разумностью и необходимостью своих нововведений, подкрепленных неограниченной властью императора. Он думал об экономике государства, о рациональных социальных и политических реформах, но, совершенно очевидно, был легкомыслен, если не принимал всерьез интриг и коварства дворцового окружения. Достаточно вспомнить, что он с самого начала не любил елизаветинских полных сборищ и намеренно удалился от двора в Ораниенбаум. Он не стремился к формальным контактам с теми, кому не симпатизировал, более того, высмеивал светский протокол и этикет. Собственно, главная ошибка в том, что он не создал самого главного – большого слоя сторонников своих начинаний. Он не выпестовал, подобно Петру, слоя людей, связанных с ним судьбой, а придя к власти, опрометчиво решил опереться на доставшихся ему в наследство от прошлого правления дворцовых проходимцев. Он переоценил прочность своей власти, рассчитывая только на ее неоспоримую легитимность. В целом опора в начинаниях и в стратегии только на формальную разумность, законность и логику, просматривается во многих его делах и актах. А с другой стороны, во всех начинаниях виден недостаток дипломатии и продуманной тактики. Очевидно, что он переоценивал свою независимость и свободу действий, считая, что разумность и логичность начинаний являются достаточными аргументами, чтобы быть воспринятыми подданными положительно. Нетерпелив, прям и негибок – вот часть его характеристик. Однако они преподносятся нам некоторыми современниками (и Екатериной)¹³ в совокупности с дурацким колпаком на его голове. Характерно, что самые правдивые заметки о перевороте и положительные отзывы о личности Петра III и его реформах, не только отечественные, но и иностранные, появились лишь после смерти Екатерины и не смогли повлиять на формирование широкого мнения об этом периоде.

Присвоение без тени стеснения

Его жена, враг и убийца, Екатерина, несомненно, виртуозно владела искусством интриг и тактическими приемами. Она прекрасно понимала, что все задуманное и начатое Петром Федоровичем не является плодом внезапного легкомыслия и задолго до попытки реализации обсуждалось в его кругу. И, главное, что задуманное в основном лежит в стратегически правильном и выгодном направлении. Однако вначале правления Екатерина сделала демонстративный жест, который был призван убедить всех в решительной смене направления и возврату в патристическое русло – она отменила все указы Петра III. Таким образом, она обнулила начинания Петра III только затем, чтобы в нужное время провести их от своего имени. Весь ход дальнейшей истории ее правления убеждает нас в том, что это была просто тактическая и психологическая хитрость. Но мы не будем рассматривать ее внешнеполитические и внутриполитические шаги, которые свидетельствуют об этом. Цель нашей статьи только рассмотрение перемен в воинской униформе.

В 1763 г. в российской армии прошла большая реформа. Наиболее существенным в ней было введение ясной регламентации и унификации в форме одежды. Самое замечательное в том, что впервые в России, в 1764 г., Государственной Военной Коллегией была издана иллюстрированная книга с описаниями образцовой формы одежды по родам войск и чинам: «Описание мундиром строевого убранства конформаваное высочайшим Ея Императорского Величества подписанием»¹⁴. И это издание стало знаменательным начинанием, нашедшим регулярное продолжение в дальнейшем, еще при Екатерине. До этих пор ничего специального в России не предпринималось, и современные исследователи с трудом разыскивают в архивах отдельные рукописные акты или исследуют рисунки современных художников, чтобы представить себе правила ношения военной одежды для первой половины XVIII столетия. Даже из названия книги ясно, что за год, что прошел с момента убийства Петра III до начала армейских реформ, Екатерина не имела ни времени, ни желания, ни специальных знаний, чтобы подготовить свою собственную армейскую реформу, а потому видела свою задачу только в качестве ревизора перемен, предлагаемых еще Петром III. Более того, вопреки распространенному подобострастному мнению есть любопытные свидетельства. Датский посланник в 1765–68 гг. А. фон Ассенбург пишет: «Государыня эта была очень умна от природы, но столь мало образована, что недостатком образования выделялась даже среди женщин»¹⁵. А графиня В.Н. Головина характеризует позднюю Екатерину как честолюбивую с твердым характером. Можно аргументированно заключить, что армейская реформа 1763 г. – это в основном та реформа, которую готовил Петр Федорович, только подрезанная Екатериной.

Во что же на практике вылилась ревизия проекта реформ Петра III Екатериной? Она сводилась к двум основным принципам – не допустить политической и социальной либерализации в армии и сэкономить на всем. Под влиянием первой задачи был безжалостно порезан устав, подготовленный Петром Федоровичем, и осложнены все возможности стать офицером не дворянину, а на реформе формы одежды более отразился принцип второй. Впрочем, финансовое положение России после Семилетней войны было действительно сложным. Задачу удешевления и унификации формы одежды в армии ставил в своих проектах реформы и Петр Федорович. Еще заключая мир с Пруссией и зная о тайных переговорах с Турцией, как пруссаков, так и Англии, им осознавалась необходимость окончательного военного решения вопросов с Турцией, причем в самое ближайшее время¹⁶. До этого времени всякие военные конфликты с Западом будут в критические моменты постоянно чреватые ударом Турции снизу, с юга России. А война на два фронта еще никому не сулила успеха. Надо было отбросить Турцию за море. Эту проблему стала решать Екатерина сразу после восшествия на престол. В преддверии войны с Турцией Екатерина делала займы и урезала жалованье солдатам, в среднем на 3–8 рублей в год. Но военная реформа по итогам Семилетней войны была необходима и тоже требовала денег, особенно там, где надо было что-то менять. Поэтому екатерининскую версию в мундирной реформе, намеченной еще Петром III, можно назвать плюшкинской. Если Петр Федорович хотел сэкономить на отпускаемых объемах сукна, то Екатерина нашла дополнительный способ сэкономить на необходимости его отпустить. Во-первых, сокращение длин и объемов штанов, камзолов, мундирных фалд и обшлагов было осуществлено так, как задумывалось при Петре Федоровиче. Во-вторых, было остановлено введение в войсках нашивных шлейфов, вместо прежней обшивки пол, воротников, обшлагов

и прочего галунами. В-третьих, был «возвращен» красный цвет камзолам и штанам (но точнее, отменена его замена на другие). В результате прежние елизаветинские камзолы, штаны и обшлага мундиров стали просто перешивать на новый лад – обрезать и обуживать. Это позволило быстро переодеть всю армию в мундиры «нового» типа, даже не выдавая для этого нового сукна, и этим сильно сэкономить выделяемые на реформу средства. Кстати, в дело пошло и обмундирование, отобранное у гольштинцев Петра III. Все они были арестованы, посажены в камеры и раздеты до нижнего белья. Все, что могло быть использовано в российской армии, которой руководил В. Суворов, было пушено Комиссией в раздачу и на продажу. Синие гольштинские мундиры и светлые штаны разобрали и переделали кавалеристы, кирасирское обмундирование – кирасиры. На складах остались, в основном, суконные гренадерки, которые ни по цветам сукон, ни по бляхам на них не подходили для использования в русской армии. Именно это обстоятельство объясняет факт большого количества хранящихся в музеях гольштинских гренадерок, при почти полном отсутствии гольштинских обуви, мундиров, жилетов и штанов.

Таким образом, Екатерина не вернула старый петровский мундир в русскую армию, в котором она так картинно выступила перед солдатами после переворота, а лишь сохранила кое-какие его привычные цвета и детали, да и то не столько из приверженности к русским традициям, сколько из экономии на реформах. На деле же продолжили распространение прусские лацканы и обуженный покрой мундира, штанов и камзола. Причем утеснение штанов при Екатерине дошло до своего анекдотического предела, так как в них приходилось втискиваться буквально с мылом, а обшлага как оттопыривающаяся деталь рукава практически исчезли. Петр Федорович намеревался выделить гвардию из остальной массы армии более светлым оттенком зеленого сукна на мундирах. Это его намерение было практически осуществлено в екатерининских реформах 1774 г. А прусская коса, букли и пудра, хотя и были нелюбимы солдатами и не принимаемы многими офицерами, но остались еще на долгое время.

В целом же «екатерининский» мундир по крою и по основным принципам построения мало отличается от проектов Петра Федоровича. Известно, что Петр III собирался сделать военную униформу более системной, единообразной, как внешне, так и в знаках различия чинов. Сравнивая вводимые им мундиры с «екатерининскими», можно видеть, что основные изменения мундира, задуманные Петром Федоровичем, были реализованы в реформах 1763 и 1774 гг.

Необходимость осуществления перемен формы одежды, кроме практической пользы, всегда состояла в том, чтобы дать понять всем (и, прежде всего, потенциальному противнику), что перед ними армия современной державы, ориентирующая свои средства на передовой опыт, а не армия нищей второсортной страны, окостеневающая в национальных особенностях. Поэтому все факты убеждают нас в том, что военная политика и армейские реформы Петра III являются, безусловно, прогрессивными и важными шагами в развитии отечественных армии и флота, плоды которых, в основном, были присвоены Екатериной, а краткость правления Петра Федоровича создает возможность недооценивать сделанное им в этом направлении. В сущности, как писал С.О. Шмидт, «так называемый Век Екатерины, начался по существу еще за несколько лет до ее восшествия на престол» в лице Петра Федоровича.

Таким образом, в заключение статьи, можно суммировать: реформы российского мундира совершались Петром III в полном соответствии с передовыми представлениями того времени об армейской униформе сильной армии. Ходом дальнейшей истории все основные начинания в этом направлении были продолжены, а не отвергнуты. Реформы были оправданы и экономически. Но давно известно, что историю пишут победители, а не историки. Обвинения в адрес Петра Федоровича были инкриминированы оппозицией и связаны с борьбой за власть, и не носили характера ошибок.

¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.

² Веселаго Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852.

³ Русский быт по воспоминаниям современников. Время Екатерины II. Вып. 2-й. М., 1922. С. 7.

⁴ Анисимов Е.В. Россия без Петра 1725–1740. СПб., 1994.

⁵ Русский быт по воспоминаниям современников. М., 1922. С. 66.

⁶ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. М., 1918. С. 49.

⁷ Безвременные и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–60 гг.). Л., 1991.

⁸ Там же.

⁹ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 44.

¹⁰ Русский быт по воспоминаниям современников. Время Екатерины II. Вып. 2-й. С. 27.

¹¹ Полное собрание законов российской империи. Т. XV–XVI. «Книга штатов 1711–1800 гг.».

¹² Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 15.

¹³ Там же. С. 45; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева; Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992; Каменский А. «Под сенью Екатерины...» СПб., 1992.

¹⁴ Описание мундирам строевого убранства конформаваное высочайшим Ея Императорского Величества подписанием. СПб., 1764.

¹⁵ Русский быт по воспоминаниям современников. От Петра до Павла. Вып. 1-й. С. 19.

¹⁶ Мьельников А.С. Искушение чудом. Л., 1991; Он же. Он не похож был на государя... Петр III, повествование в документах и версиях. СПб., 2001.